

Семантические и оценочные преобразования прилагательного *патриотичный* в отечественной медиаречи: коммуникативно-прагматический аспект

Semantic and Evaluative Transformation of the Adjective “Patriotichny” (“Patriotic”) in Domestic Media Speech: Communicative-Pragmatic Aspect

DOI: 10.12737/2587-9103-2026-15-3-7-15

Получено: 07 мая 2026 г. / Одобрено: 25 мая 2026 г. / Опубликовано: 26 июня 2026 г.

Н.В. Радбиль

Канд. филол. наук, доцент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Россия, Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23,
ORCID ID: 0000-0002-0124-6446,
e-mail: nagov@list.ru

N.V. Radbil

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Department of Teaching Russian in Other Language Environments, Institute of Philology and Journalism;
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russia,
ORCID ID: 0000-0002-0124-6446,
e-mail: nagov@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются модели семантических и коннотативно-оценочных преобразований прилагательного *патриотичный* в отечественном медийном дискурсе через призму коммуникативно-прагматического подхода к анализу корпусных данных. Актуальность исследования состоит в научной, образовательной и культурной значимости комплексного лингвистического описания ключевых концептов русской языковой картины мира и динамики их развития на современном этапе.

Цель исследования — анализ особенностей семантического расширения речевых употреблений прилагательного *патриотичный* в современных медиатекстах, выявление стоящих за этими употреблениями коммуникативных условий и прагматических рефлексов выражения специфических интенций авторов медиатекстов, их ценностные позиции или речеповеденческих установок.

Методологической основой исследования является концепция «семантических аур (просодий)», выявляемых при анализе непосредственного контекстного окружения слова на большом массиве корпусных данных. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа.

Для контекстов употребления прилагательного *патриотичный* описаны лингвопрагматические механизмы наведения позитивной и негативной оценочности, которая не представлена в словарных толкованиях лексемы. Выявлены и интерпретированы модели неузального расширения сочетаемости прилагательного, воплощающие специфические коммуникативные установки авторов медиатекстов. Сделаны выводы о значительном семантическом обогащении прилагательного *патриотичный* в его дискурсивной реализации, а также о его существенном оценочном потенциале.

Новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового предмета исследования — семантических и коннотативно-оценочных инноваций в контекстах употребления слов, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ в современной русской медиаречи.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его результаты в преподавании вузовских курсов по лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвистической прагматике и коммуникативистике.

Ключевые слова: прилагательное *патриотичный*, семантические преобразования, наведенная оценочность, расширение сочетаемости, корпусно-дискурсивный анализ, коммуникативно-прагматический подход, современная русская медиаречь.

Abstract

The article examines the semantic and connotative-evaluative transformations of the adjective “patriotichny” (“patriotic”) in Russian media discourse through the lens of a communicative-pragmatic approach to corpus data analysis. The relevance of this study lies in the scientific, educational, and cultural significance of a comprehensive linguistic description of key concepts in the Russian language picture of the world and the dynamics of their development at the present stage.

The object of the study is to analyze the semantic expansion of speech uses of the adjective “patriotichny” in modern media texts and to identify the communicative conditions and pragmatic reflexes underlying these uses to express the specific intentions of media text authors, their value positions, or speech-behavioral attitudes.

The methodological basis of the study is the conception of “semantic auras (prosodies)” identified by analyzing the immediate contextual environment of a word using a large set of corpus data. A corpus-discourse analysis method was used.

For the contexts of use of the adjective “patriotichny”, we describe linguo-pragmatic mechanisms for inducing positive and negative evaluative connotations not present in dictionary definitions of the lexeme. We identify and interpret patterns of non-usual expansion of the adjective's collocations, embodying the specific communicative intentions of media text authors. Conclusions are drawn about the significant semantic enrichment of the adjective “patriotichny” in its discursive implementation, as well as its significant evaluative potential.

The newness of the study consists of its introduction to scholarly discourse of a new subject: semantic and connotative-evaluative innovations in the contexts of use of words embodying the concept PATRIOTISM in contemporary Russian media speech.

The practical significance of this study lies in the potential for its use in university courses in cultural linguistics, linguoconceptology, linguistic pragmatics, and communication studies.

Keywords: adjective “patriotichny” (“patriotic”), semantic transformations, induced evaluativeness, expansion of compatibility, corpus-discursive analysis, communicative-pragmatic approach, modern Russian media speech.

Введение

В статье на новом языковом материале развиваются некоторые положения, сформулированные в нашей предыдущей работе в ходе анализа речевых употреблений прилагательного патриотический [13]. Для научной парадигмы современной лингвокультурологии характерна установка на междисциплинарность [2], что находит свое выражение в значительном расширении аналитического инструментария за счет включения в стратегии научного поиска идей и методов когнитивно-дискурсивного [4; 26] и коммуникативно-прагматического [5; 25] подходов, а в предметную область исследования — массивов корпусных данных [21]. Особенно перспективным в этом плане видится когнитивно и коммуникативно ориентированное изучение языкового воплощения ключевых концептов национальной культуры, к каковым, несомненно, относится и интересующий нас концепт ПАТРИОТИЗМ: «Концепт «патриотизм» играет важнейшую роль в духовном самосознании русских, в этническом самоопределении и поисках национальной идентичности [8, с. 121].

При этом рецепция лексем — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в современном языковом сознании отличается определенным своеобразием, что отчетливо проявляется в так называемых «дискурсах активного воздействия» [18], в том числе в медийном дискурсе, для которого как раз характерны разнообразные смысловые и оценочные преобразования слов и выражений национального языка в аспекте наиболее актуальных для носителей языка ценностных приоритетов и речеповеденческих моделей [9; 20]. Именно по характеру семантических и оценочных инноваций, языковой материал для анализа которых в изобилии представлен в современных референциальных корпусах, мы часто можем диагностировать значимые изменения в языковой картине мира, в сфере норм и ценностей современного социокультурного пространства [22].

Непосредственным предметом настоящего исследования является только одна лексема, воплощающая концепт ПАТРИОТИЗМ в современной медиаречи. Это прилагательное *патриотичный*, которое, в силу признаковой семантики, на наш взгляд, является весьма репрезентативным диагностическим признаком того, как носители современного русского языка понимают это специфическое, имеющее разнообразные психологические, этические, регулятивно-ценностные составляющие свойство — 'быть патриотичным', каким объектам и явлениям действительности носители современного русского языка склонны его приписывать, какими характеристиками должны обладать указанные объекты и явления и т.д.

Таким образом, целью настоящего исследования является описание семантических и оценочных преобразований прилагательного *патриотичный* в современной отечественной медиаречи, а также выявление коммуникативных условий и прагматических рефлексов указанных преобразований, посредством которых в контексте имплицитируются специфические интенции авторов медиатекстов, их ценностные позиции или речеповеденческие установки.

Обзор литературы

В гуманитарном знании существует значительная научная традиция изучения представлений о патриотизме, но при этом собственно лингвистические исследования в этой предметной области начались относительно недавно. В качестве условной отправной точки для собственно лингвокультурологического освещения указанной проблемы можно рассматривать фрагмент знаменитого словаря Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» под названием «Родная земля» [19, с. 170–181]. Среди последних работ по концепту ПАТРИОТИЗМ следует отметить лингвофилософское исследование Н.А. Селиверстовой и М.Я. Курганской [17], описание концепта ПАТРИОТИЗМ на материале отдельных дискурсов в работе Л.В. Коростелевой [3]. Обстоятельный сопоставительный анализ экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ в мировых культурах осуществлен Н.Е. Медведевой [7]. В настоящем исследовании предлагается новый аспект в изучении языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ, связанный с научной методологией коммуникативно-прагматического анализа семантических и оценочных инноваций в речевой актуализации слов — репрезентантов указанного концепта.

Принятый в настоящем исследовании коммуникативно-прагматический подход во многом основывается на идеях Е.В. Падучевой [10]. Современное состояние этого направления научных штудий, применительно к дискурс-аналитическому изучению разнообразных речевых практик языкового сообщества нашего времени, представлено, например, в работах Е.В. Чернявской [21], Т.Б. Радбиля [16] и др. Прагматика непосредственно медийного дискурса освещается в работах О.В. Палеховой [11] и других авторов, рассматривающих особую эмоциональную тональность медиадискурса — см., например, [28].

В целях нашего исследования особый интерес представляет, в частности, анализ разного рода скрытых смыслов в письменной коммуникации, представленный в работе И.С. Папуши [12]. Важность обнаружения именно неявно сформулированных смыслов в целях квалификации той или иной идеи как атрибута национальной языковой картины мира

подчеркивается еще в известной коллективной монография А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева, в которой указывается, что «только так носитель языка может оперировать ими, принимая их на веру, не рефлектируя и не задумываясь: «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливаться на этом внимание» [1, с. 9].

В этой связи следует отметить исследовательскую программу контентивно-квантитативного изучения имплицитной оценочности по корпусным данным, согласно которой «ценностно маркированный имплицитно выраженный смысл можно выявить из совокупности таких контекстов употребления данной единицы, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной» [14, с. 408]. В настоящей работе мы отчасти опираемся на указанные выше концепции выявления неявных смыслов, наводимых ближайшим или дальнейшим контекстным окружением.

Методы и материалы

Принятая в исследовании методика базируется на разработках в области корпусно-дискурсивного анализа [15]. Ее суть заключается в выявлении на репрезентативном корпусном материале и последующей интерпретации смысловых и оценочных преобразований анализируемой единицы, которые наводятся ближайшим и дальнейшим контекстным окружением, главным образом, в моделях неузуальной сочетаемости.

Методологической основой указанного аналитического инструментария является концепция «семантических аур (просодий)», сформулированная классиками корпусной лингвистики Дж.Р. Фертом [23], Дж.М. Синклером [27] и развитая на значительном материале референциальных корпусов английского языка Б. Лоу [24]. Под «семантической аурой» понимается отсутствующее в словарном, т.е. системно-языковом, представлении анализируемой единицы «смысловое приращение, как правило, оценочной природы, которое обнаруживается при анализе коллокатов (непосредственного контекстного окружения слова) на большом массиве корпусных данных» [15, с. 99].

Предполагается, что посредством анализа выявленных в результате анализа моделей неузуального расширения сочетаемости лексемы *патриотичный* «наведенных» смыслов можно диагностировать специфику коммуникативных интенций автора медиатекста в отношении его представлений о «свойстве

патриотичности»», своеобразие его ценностной позиции, а главное — на репрезентативном массиве контекстов показать, насколько типичными являются для авторов медиатекстов те или иные представления о «свойстве патриотичности» и об объектах, которым приписывается это свойство в дискурсе.

Материалом для исследования являются данные основных толковых словарей русского языка [29–31] и контексты, извлеченные из газетных корпусов (подкорпус «Центральные СМИ») в составе Национального корпуса русского языка [32]. Поиск по указанному подкорпусу выявил всего 916 примеров словоупотреблений на 871 текст. На этой основе был сформирован авторский подкорпус контекстов с предположительно неузуальной сочетаемостью анализируемой единицы в количестве 87 единиц.

Результаты, дискуссия

В соответствии с принятой концепцией исследования на его предварительном этапе осуществляется анализ словарных толкований интересующего нас прилагательного. В основных русских толковых словарях семантика слова *патриотичный* представлена следующим образом: БАС «Проникнутый патриотизмом. *Патриотичный поступок*» [29]; МАС «Исполненный патриотизма» [31]; Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой «1. Соотносящийся по знач. с сущ.: патриот, патриотизм, связанный с ними. 2. Свойственный патриотизму, характерный для него. 3. Проникнутый патриотизмом» [30].

В отличие от своего паронима *патриотический*, рассмотренного в нашей предыдущей работе [13], данное прилагательное является качественным, так как свойство патриотизма, приписанное тому или иному лицу, объекту или явлению, может мыслиться говорящим в большей или меньшей степени (на базе прилагательного нормативно образуются краткие формы *патриотичен*, формы сравнения *патриотичнее*, качественные наречия на -о *патриотично* и пр.).

Следует отметить, что рассмотренные выше семантические особенности и лексико-грамматические свойства прилагательного не дают оснований приписывать ему какую-либо оценочность. Иначе говоря, в лексико-семантической системе русского языка прилагательное *патриотичный* является нейтральным, внеоценочным. Ряд контекстов из Национального корпуса русского языка иллюстрируют именно такое, внеоценочное употребление:

Как поясняют авторы шоу, в его основе — исполнение патриотичных песен и композиций, имеющих культурное значение для представителей различных народов и государств [lenta.ru, 04.05.2019];

Минкультуры и Минпромторг в 2014 году начнут выпуск **патриотичных видеоклипов** [Известия, 04.10.2013];

В честь дня Государственного флага России пользователи сети запустили **патриотичный флешмоб** «Собери цвета флага», в рамках которого принялись публиковать фото и видео на фоне российского триколора [lenta.ru, 22.08.2017].

Однако в импликациях словарных толкований исходного слова патриотизм, на фоне таких семантических компонентов его толкования, как 'любовь к Родине', 'преданность своему Отечеству, своему народу', имеется возможность для положительно-оценочного переосмысления семантики прилагательного **патриотичный**. Иначе говоря, носители языка естественным образом рассматривают наличие свойства патриотизма как нечто хорошее. В этом случае наводятся такие оценочные смыслы: '**патриотичный**' → 'имеющий ценностную значимость для говорящего'; 'соответствующий национальным идеалам и ценностям'; 'истинный, правильный, тот, который должен быть'.

И в подавляющем большинстве контекстов из Национального корпуса русского языка в употреблении прилагательного **патриотичный** реализуется имплицитная положительная оценка. При этом можно выделить типовые коммуникативные условия для ее реализации. Прежде всего это контексты, где прилагательное **патриотичный** помещается в ряд однородных слов, которые имеют эксплицитную положительно-оценочную семантику:

Тем более что у нас не хватает средств на съёмки доброго, патриотичного, исторического кино [Парламентская газета, 2017.09.28];

— Будучи сам мотоциклистом, я привык встречать в этой среде людей **патриотичных, совестливых, душевных, откликающихся на дела, связанные с милосердием** [Известия, 28.02.2014];

Так же и государство должно понимать, что в итоге от вложений в туристическую отрасль оно получает не только налоговую прибыль, но и здоровых, работоспособных, образованных, культурных и патриотичных граждан [Парламентская газета, 2017.07.14].

Также прилагательное **патриотичный** может распространяться наречными показателями с семантикой истинности, подлинности, соответствия норме или идеалу:

И за это время издано много книг, в том числе специальная книга с работами ребят о войне — работами пронзительными, честными, по-настоящему патриотичными, только повышающими уважение к нашим бабушкам и дедушкам, которые эту войну выиграли [Московский комсомолец, 28.04.2016].

В некоторых случаях положительная оценочность может наводиться общим позитивно-оценочным

смыслом всего фрагмента, за счет положительной эмоционально-оценочной тональности дискурса в целом:

Призыв адресован не только иностранным инвесторам, но и отечественному капиталу, который при благоприятной бизнес-среде и патриотичном внутреннем настрое не будет вытекать за границу, а должен оставаться в российских регионах, обеспечивая дальнейший рост региональных экономик [РБК Daily, 13.12.2013].

Наконец, положительная оценочность может имплицитироваться посредством прагмасемантического механизма инференции — смыслового компонента, который вербально не выражен, но выводится, по замыслу говорящего, из контекста, внеязыковой обстановки речи, с опорой на энциклопедические и культурные знания адресата [16]. Так, в контексте:

Повсюду развевались лишь венгерские флаги, благодаря которым осознаешь, почему именно эту страну считают одной из самых патриотичных в ЕС [Известия, 31.10.2019],

— наводится инференция 'быть патриотичным' → 'иметь высшую ценностную значимость'.

На фоне ожидаемого преобладания контекстов с наведенной положительной оценочностью в корпусе представлен ряд примеров, которые иллюстрируют и возможность импликации оценочности негативного регистра для прилагательного. В этих случаях, как было нами показано ранее, негативную оценочность приобретает не само наличие свойства патриотичности, а оценка этого свойства как ущербного в каком-либо отношении, как не соответствующего представлениям говорящего о том, каким должно быть подлинное свойство патриотичности. В частности, отрицательно оцениваются (1) излишне аффектированный, «чрезмерный» патриотизм; (2) внешний, показной патриотизм; (3) ложный, мнимый патриотизм; (4) недостаточный патриотизм [8; 13].

Так, в обследованном массиве корпусного материала имеются примеры имплицитной негативной оценочности свойства патриотичности как чрезмерного, с точки зрения говорящего, что выражается соответствующими вербальными сигналами — например, сочетаемостью с прилагательными или наречиями, эксплицирующими идею чрезмерности в негативном ключе:

Эмиграция в этом смысле лишена полутонов, она или отчаянно и безоглядно патриотична, или перекачана такой ненавистью, что лучше не рисковать и не развязывать дискуссии [lenta.ru, 05.11.2016];

Явно перечитав фэнтезийных романов, крайне патриотичный коммунист Антон Романов выпустил брошюру с броским названием «Петля анаконды», на обороте которой изображена красная рука, душащая

змееподобного иноземного порабощителя, сильно похожего на Барака Обаму [lenta.ru, 31.08.2016];

В большинстве треков исполнительница четко обозначает неотделимость собственной музыки от культуры и наследия своего народа, и по этой причине Final Fort звучит как броская и фееричная ода родине, при этом не производя впечатление оголтелого патриотичного гимна [lenta.ru, 29.12.2019].

Негативная оценка свойства патриотичности как внешнего, показного, как правило, имплицитно обобщенным смыслом всего фрагмента, в котором автор медиатекста описывает ситуацию, когда за использованием патриотической фразеологии скрываются неблагоприятные действия объекта номинации:

Запашный, пользуясь поразившим власть синдромом осажденной крепости, беспардонно лезет под патриотичными лозунгами в чужой бизнес... [Литературная газета, 19.12.2018].

Негативная оценка свойства патриотичности как чего-то ложного, мнимого, ненастоящего своеобразно преломляется в типовых иронически сниженных контекстах, когда положительно-оценочный потенциал идеологемы *патриотичный* как бы оправдывает реальное низкое качество или сомнительные свойства определяемого объекта:

Напоследок, уже на остановке, я выпила дрянной патриотичный осетиниано. Он продается именно под таким названием и на каждой остановке, в автоматах, которые закрыты железными решетками. Осетины очень любят кофе [lenta.ru, 11.04.2017];

Боксер Валуев, чей образ в последнее время активно используется в социальной рекламе и плохом, но патриотичном кино, записал рэп «Ангел мой» [Новый регион 2, 14.07.2009].

Также, как правило, в ироническом ключе актуализируется имплицитная негативная оценка недостатка патриотизма, низкой степени свойства патриотичности:

Потерять детское уважение очень легко — как вы думаете, насколько современные подростки будут уважать людей, которые объявляют крестовый поход жвачкам в подозрительной обертке или недостаточно патриотичным кулдам? [lenta.ru, 28.03.2017];

Через пару кругов жигуль прочно занял почетное последнее место. Трибуны, набитые под завязку, встречали аутсайдера патриотичными жиденькими аплодисментами [Комсомольская правда, 11.07.2010].

В целом исследование показало, что носители русского языка иногда неоднозначно оценивают патриотизм, не воспринимая порою ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства. Но при этом стабильно сохраняется безусловный положительно-оценочный ореол в восприятии проявлений подлинного патриотизма.

Модели неузального расширения сочетаемости.

Особый интерес представляют случаи неузального расширения сочетаемости, когда свойство патриотичности приписывается объектам и явлениям, которым в норме признак ‘патриотичный’ в принципе не может быть присущ. Это, например, употребление прилагательного *патриотичный* для характеристики еды или напитков, одежды и обуви, предметов быта, транспорта, явлений коммерческой, экономической или финансовой сферы, спорта, туризма, индустрии развлечений и под. Во всех этих случаях происходит ненормативное смысловое преобразование семантики прилагательного, которое в прагматике медиадискурса сопровождается коннотативно-оценочными эффектами сложной природы.

Так, например, в случаях характеристики посредством прилагательного *патриотичный* существительных с семантикой еды или напитков у слова возникает несвойственное ему в узусе значение ‘исконно русский по происхождению; привычный, обычный для русского мира’:

Однако не прошло и года, как американцы из Callis исчезли (а по слухам, сбежали), и на его месте появился «Царский павильон» — с патриотичными борщами и поросятами вперемишу с дружественными шашлыками и кебабами [Коммерсант, 06.02.2004];

Но если такое произойдет, то на следующем этапе логично ожидать законодательного оформления списка патриотичных блюд, достойных представлять иностранному гостю традиционную русскую кухню [lenta.ru, 31.07.2015];

И дело не в том, что такими темпами россияне наконец-то перейдут с чужой колы на патриотичный квас, а в том, что в стране сужается предложение, поступает меньше инвестиций, а в бюджет — меньше налогов [lenta.ru, 22.10.2015];

Пусть «Новотерская» полезнее и патриотичнее грузинского боржомы. Все равно, кажется, чего-то не хватает в новых брэндах [Комсомольская правда, 31.05.2005].

Применительно к транспортным средствам это неузальное значение принимает вид ‘произведенный в России’:

Японская «Тойота-Приус» с гибридным бензиново-электрическим двигателем, конечно, полная конфетка по сравнению с патриотичной «Волгой», но общность в образе мысли налицо [Известия, 03.09.2001];

Поезда предстали на путях Казанского вокзала. Во-первых, вагон очень патриотичный. Не в том смысле, что раскрашен в цвета российского флага. Все в нем наше, отечественное [Московский комсомолец, 11.09.1997].

Применительно к прецедентным именам русской культуры прилагательное *патриотичный* принимает значение ‘принадлежащий исконно русским традициям’:

Но, с другой стороны, патриотичных российских дедов-морозов с бородой и в шубе на прилавках Москвы и впрямь не найти [Комсомольская правда, 14.12.2006].

Модель импликации ‘патриотичный → исконно русский’ своеобразно преломляется при сочетании прилагательного патриотичный с семиотическими объектами, когда это слово выступает как характеристика носителя национальной идентичности, подчеркивая отстройку от инокультурных паттернов:

В конечном счете, разработчики выбрали истинно народную и патриотичную букву «ё» в качестве нового бренда [Коммерсант, 01.04.2011];

Почему это звучное слово будет писаться латиницей, а не родной патриотичной кириллицей, осталось загадкой (если не учитывать только экспортных перспектив модели) [РБК Daily, 02.02.2005].

Схожие коммуникативно-прагматические установки автора медиатекста реализуются при употреблении прилагательного патриотичный по отношению к имени собственному — тогда в качестве исконно русского характеризуется само словесное наполнение названия:

— *Постепенно на карту с патриотичным названием «Рускарт» или «Роскарт» смогут перейти граждане, которые хотят, чтобы их деньги не зависели от международных политических конфликтов* [Известия, 21.03.2014];

Рыбоперерабатывающий комбинат в этом городе давно получает рыбу с этого, одного из крупнейших предприятий калининградской области — рыбоперерабатывающего завода с патриотичным названием «За Родину» [Vesti.ru, 13.08.2015].

Другое направление смыслового расширения для прилагательного патриотичный выражается в речевой реализации неузуальных значений ‘наиболее популярный в национальной аудитории’ или ‘наиболее предпочтительный для народа, наиболее любимый в народе’. Это, как правило, связано с определяемыми существительными из спортивной сферы:

Выступления всех участников заседания не оставляли сомнений: да, именно хоккей — самый главный и патриотичный спорт в стране... [lenta.ru, 22.04.2016];

Так, например, президент Всероссийского объединения болельщиков Александр Шпрыгин в комментарии радио РСН заявил, что «более патриотичной была бы победа “Локомотива”...» [Vesti.ru, 17.02.2016]

В сфере искусства часто реализуется неузуальное значение ‘соответствующий национальной идее’:

Однако времена двинулись вспять: с реанимацией советской «национальной идеи» на сцену Большого вернулись патриотичные балеты Юрия Григоровича... [Коммерсант, 27.02.2006].

Применительно к области экономики и финансов это неузуальное значение может видоизменяться как

‘соответствующий национальным интересам’ — слово патриотичный в этих случаях применяется для обобщенной характеристики целого фрейма, всей описываемой ситуации:

О необходимости более «патриотичного» расхода средств говорят и представители российского футбола [Известия, 29.04.2014];

В своих правилах, кстати, Союз сахаропроизводителей прописывает одну серьезную и очень патриотичную деталь: закупленный благодаря аукциону сырец должен быть переработан только на сахарных заводах России [Ведомости, 2000.08.22].

Проанализированные контексты неузуального расширения сочетаемости для прилагательного патриотичный позволяют выявить определенные коммуникативно-прагматические особенности в плане установки авторов медиатекста при выборе номинации патриотичный в значении ‘исконно русский, русский по происхождению’, ‘произведенный в России’ ‘соответствующий русским идеалам и ценностям’ и пр.

Прежде всего, посредством использования этого прилагательного говорящий тем самым повышает статус определяемой номинации, потому что помещает ее в поле значимых для русского мира идеалов и ценностей. Даже если это употребление реализуется в иронически сниженных контекстах, в инференции остается сам факт повышенной значимости, хотя и со знаком «минус». Одно дело — просто назвать квас исконно русским напитком, а другое дело — именовать его в качестве носителя свойства патриотичности:

Такого в России не бывало аж с XIX века, когда на каждого жителя империи приходилось по 200—250 литров кваса в год. Сегодня этого «самого патриотичного» напитка потребляется всего по 10 литров на российскую душу... [Труд-7, 27.08.2007].

Отметим, что в этом случае (как и во многих других) используются «остранняющие кавычки» [15], которые выражают внутреннюю полемичность данного словоупотребления с позиции автора медиатекста, чаще всего — в целях иронического снижения.

Еще один коммуникативно-прагматический эффект подобных неузуальных словоупотреблений, порождающий их смысловую емкость и дуплановость, заключается во включении оценочной позиции говорящего непосредственно в номинацию явления. Подобный эффект, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, трактуется как «интерактивная характеристика», когда прилагательное, помимо обозначения объективного признака определяемого существительного, одновременно выражает и отношение к нему (*настоящее ружье, грустный пейзаж, смешной щенок* и под.) [6]:

Блюдо интернациональное по форме и *патриотичное* по содержанию. *Вареник* с пшенкой, салом и беконом [Vesti.ru, 08.06.2002].

В примерах подобного рода свойством патриотичности обладает, с точки зрения автора медиатекста, конечно же не сам вареник; в данном словоупотреблении отражены особенности восприятия этого блюда в контексте его соответствия национальным традициям, национальным нормам и ценностям.

Выводы

Результаты проведенного корпусно-дискурсивного анализа контекстов употребления прилагательного *патриотичный* в отечественном медийном дискурсе свидетельствуют о значительном семантическом обогащении этого слова, а также о его существенном оценочном потенциале. Также для речевой реализации прилагательного *патриотичный* выявлены нетривиальные коммуникативно-прагматические свойства: модели расширения сочетаемости слова *патриотичный* иллюстрируют его богатые возможности выражать специфические интенции

авторов медиатекста, которые заключаются во включении оценочной позиции говорящего непосредственно в характеристику явления или ситуации, что создает эффект семантической двуплановости.

При этом свойство патриотичности в моделях расширения сочетаемости нередко попадает в поле иронического снижения, полемического переосмысления, что в целом не умаляет его положительно-оценочного восприятия в речевых практиках носителей русского языка. Ведь негативной оценке подвергается не само наличие свойства патриотичности, а «неправильный», в каком-то смысле ущербный патриотизм, патриотизм, который, с точки зрения говорящего, не соответствует норме.

Перспективы исследования связаны с возможным расширением его эмпирической базы за счет включения в область исследования контекстов употребления других лексем, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ в дискурсивных практиках разного типа: имени концепта *патриотизм*, его синонима *патриотичность*, а также одушевленных номинаций *патриот/патриотка* и т.д.

Литература

1. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры [Текст] / М.Л. Ковшова. — М.: ЛИБРОКОМ, 2013. — 456 с.
3. Коростелева Л.В. Концепт ПАТРИОТИЗМ в контексте националистического экстремистского дискурса [Текст] / Л.В. Коростелева // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 45–54.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций [Текст] / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
5. Кузнецов И.А. Национально-культурная специфика фатической диалогической коммуникации в современной русской речи [Текст] / И.А. Кузнецов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 7–13. — DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-2-7-13
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: Едиториал, 2004. — 256 с.
7. Медведева Н.Е. Экспликация концепта «патриотизм» в мировых культурах: сопоставительный анализ [Текст] / Н.Е. Медведева // НИР. Современная коммуникативистика. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 36–44. — DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-6-36-44
8. Наговицына Н.В. Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) [Текст] / Н.В. Наговицына // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 120–131.
9. Новые тенденции в русском языке начала XXI века [Текст]: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. — М.: Флинта; Наука, 2016. — 304 с.
10. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
11. Палехова О.В. Прагматика современного немецкоязычного медиадискурса [Текст] / О.В. Палехова // Дискурс. — 2025. — № 11(1). — С. 127–137. — DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137
12. Папуша И.С. К проблеме скрытых смыслов в письменной коммуникации [Текст] / И.С. Папуша // НИР. Современная коммуникативистика. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 26–32. — DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-26-32
13. Радбиль Н.В. Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного патриотический как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи [Текст] / Н.В. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 66–83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-66-83
14. Радбиль Т.Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ [Текст] / Н.В. Радбиль // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 406–420. — DOI: 10.21638/spbu22.2021.407
15. Радбиль Т.Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) [Текст] / Н.В. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170–189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
16. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в отечественных интернет-СМИ: когнитивно-дискурсивный аспект [Текст] / Н.В. Радбиль // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 3. — С. 55–64. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.5
17. Селиверстова Н.А. Патриотизм [Текст] / Н.А. Селиверстова, М.Я. Курганская // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 232–239.
18. Соколова О.В. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия [Текст] / О.В. Соколова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 19–30.
19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академпроект, 1997. — 989 с.

20. Цветова Н.С. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики [Текст] / Н.С. Цветова // Медиалингвистика. — 2020. — № 7. — С. 280–292. — DOI: 10.21638/spbu22.2020.301
 21. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов [Текст] / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 31–37.
 22. Шапошников В.Н. Первичные изменения лексических значений в современной коммуникации [Текст] / В.Н. Шапошников // НИР. Современная коммуникативистика. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 15–19. — DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-3-15
 23. Firth J. R. *Papers in Linguistics: 1934–1951*. Oxford: OUP, 1957. 233 p.
 24. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 152–176.
 25. Noveck I. *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2021. 282 p.
 26. Orr Sh., Ariel M. Predicating Truth: An empirically based analysis // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 185. Pp. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>.
 27. Sinclair J.M. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
 28. Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 586–610. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
- Источники**
29. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VIII. 1959. 746 с.
 30. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3 т. — М.: Русский язык, 2000. — Т. II. 1088 с.
 31. МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988. Т. III. 752 с.
 32. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
- References**
1. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., & Shmelev A.D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 544 p. (In Russian)
 2. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury* [The Linguocultural Method in Phraseology: Cultural Codes]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 456 p. (In Russian)
 3. Korosteleva L.V. *Kontsept PATRIOTIZM v kontekste natsionalisticheskogo ekstremistskogo diskursa* [The concept of PATRIOTISM in the context of nationalist extremist discourse]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2017, no. 3, pp. 45–54. (In Russian)
 4. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics: A Course of Lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russian)
 5. Kuznetsov I.A. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika faticheskoy dialogicheskoy kommunikatsii v sovremennoy russkoy rechi* [National-cultural specificity of phatic dialogical communication in modern Russian speech]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2025, vol. 14, no. 2, pp. 7–13. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-2-7-13. (In Russian)
 6. Lakoff J., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By], trans. from English, ed. and with a preface by A.N. Baranov. Moscow, Editorial Publ., 2004. 256 p. (In Russian)
 7. Medvedeva N.E. *Eksplikatsiya kontsepta «patriotizm» v mirovykh kul'turakh: sopostavitel'nyy analiz* [Explication of the concept of “patriotism” in world cultures: a comparative analysis]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2025, vol. 14, no. 6, pp. 36–44. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-6-36-44. (In Russian)
 8. Nagovitsyna N.V. *Yazykovoye voploshcheniye kontsepta PATRIOTIZM v sovennom russkom yazykovom soznanii (po dannym tsepochnogo assotsiativnogo eksperimenta)* [Language embodiment of the concept of PATRIOTISM in modern Russian language consciousness (based on the data of the chain associative experiment)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 11, pp. 120–131. (In Russian)
 9. Ratsiburskaya L.V. (ed.). *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century, Collective Monograph]. Moscow, Flinta; Science Publ., 2016. 304 p. (In Russian)
 10. Paducheva Ye.V. *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa)* [Semantic Studies (Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
 11. Palekhova O.V. *Pragmatika sovremennogo nemetskoyazychnogo mediadiskursa* [Pragmatics of modern German-language media discourse]. *Diskurs* [Discourse], 2025, no. 11(1), pp. 127–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137. (In Russian)
 12. Papusha I.S. *K probleme skrytykh smyslov v pis'mennoy kommunikatsii* [On the problem of hidden meanings in written communication]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2024, vol. 13, no. 6, pp. 26–32. DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-26-32. (In Russian)
 13. Radbil N.V. *Konnotativno-otsenochnyye preobrazovaniya prilagatel'nogo patrioticheskogo kak sredstvo yazykovogo voploshcheniya kontsepta PATRIOTIZM v russkoy rechi* [Connotative-evaluative transformations of the adjective patriotic as a means of linguistic embodiment of the concept PATRIOTISM in Russian speech]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2023, vol. 12, no. 2, pp. 66–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-66-83. (In Russian)
 14. Radbil T.B. *«Psevdotsennosti» v sovennom otechestvennom mediyom diskurse: opyt logicheskogo analiza implitsitnoy otsenochnosti v yazyke pechatnykh SMI* [“Pseudo-values” in modern domestic media discourse: an experience of logical analysis of implicit evaluativeness in the language of print media]. *Medialinguistika* [Medialinguistics], 2021, vol. 8, no. 4, pp. 406–420. DOI: 10.21638/spbu22.2021.407. (In Russian)
 15. Radbil T.B. *Yazykovoye voploshcheniye tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-khoroshemu)* [Linguistic embodiment of values in the Internet media discourse according to the corpus analysis of representative contexts (lexeme po-khoroshemu)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2023, no. 12 (6), pp. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189. (In Russian)
 16. Radbil T.B. *“Yazyk tsennostey” v otechestvennykh internet-SMI: kognitivno-diskursivnyy aspekt* [“The language of values” in domestic online media: the cognitive-discursive aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 55–64. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.5. (In Russian)
 17. Seliverstova N.A., Kurganskaya M. Ya. *Patriotizm* [Patriotism]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2017, no. 1, pp. 232–239. (In Russian)

18. Sokolova O.V. Kognitivnyy mekhanizm i kommunikativnyye strategii diskursov aktivnogo vozdeystviya [Cognitive mechanism and communicative strategies of active influence discourses]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2017, no. 3, pp. 19–30. (In Russian)
 19. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Akademprom Publ., 1997. 989 p. (In Russian)
 20. Tsvetova N.S. Kritika mediarechi kak vektor razvitiya medialingvistiki [Criticism of media speech as a vector of media linguistics development]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2020, no. 7, pp. 280–292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301. (In Russian)
 21. Chernyavskaya V.E. Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatel'noye zveno? Ob"yasnitel'nyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse analysis and corpus methods: a necessary evidence link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches] *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2018, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)
 22. Shaposhnikov V.N. Pervichnyye izmeneniya leksicheskikh znacheniy v sovremennoy kommunikatsii [Primary changes in lexical meanings in modern communication]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2025, vol. 14, no. 3, pp. 15–19. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-3-15. (In Russian)
 23. Firth J.R. *Papers in Linguistics: 1934–1951*. Oxford, OUP, 1957. 233 p.
 24. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In: M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam, John Benjamins, 1993. Pp. 152–176.
 25. Noveck I. *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK, Cambridge University Press, 2021. 282 p.
 26. Orr Sh., Ariel M. Predicating Truth: An empirically based analysis. *Journal of Pragmatics*, 2021, vol. 185, pp. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>
 27. Sinclair J.M. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, Oxford University Press, 1991. 179 p.
 28. Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 586–610. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
- ### Material resources
29. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, v 17 t., t. 8 [Dictionary of Modern Russian Standard Language: in 17 vols., 8]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 746 p. (In Russian)
 30. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy*, v 3 t., t. 2 [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-formation, in 3 vols., vol. 2]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1088 p. (In Russian)
 31. Evgenieva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka*, v 4 t., t. 3 [Dictionary of the Russian Language, in 4 vols. Vol. 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1987. 752 p. (In Russian)
 32. Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus], available at: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (accessed: January 12, 2024). (In Russian)